

ГДЕ МЕЖДУ СНОМ И ЯВЬЮ СТЕРТА ГРАНЬ

Сказать по правде, «Творец снов» никогда не казался мне, что называется, бестселлером: в нем нет ни эпичности «Амбера», ни барочной техномагии «Созданий Света и Тьмы», ни потрясающе точного сочетания архаики и постапокалипсиса «Этого бессмертного». Тихая, камерная — хотя и ни в коем случае не проходная! — книга для узкого круга любителей вдумчивого, неспешного, сугубо интеллектуального чтения, не обремененного «приключениями тела». Тем не менее, «Творец снов» — один из самых издаваемых на русском языке романов Роджера Желязны. И это первая, но далеко не единственная загадка, связанная с этим странным и плохо классифицируемым текстом.

Абсолютно не хочется пускаться в исследования о неких «приоритетах» и «пальмах первенства» — литература все же не спорт. Однако «Творец снов», безусловно, один из первых научно-фантастических романов, научной основой которого являются не привычные естественные науки от химии до астрономии, а психология. Мало того: «Творец снов» — одно

из первых, если не вообще первое описание виртуальной реальности и первая же постановка вопроса о ее потенциальной опасности как для отдельного человека, так и для всей цивилизации.

В 1965 году двадцативосьмилетний Желязны публикует в культовом для любителей фантастики журнале «Amazing Stories» повесть «Придающий форму». К этому моменту на счету дебютировавшего всего три года назад автора имеются роман «Этот бессмертный», несколько блестящих рассказов (например, «Роза для Экклезиаста»), но именно в шестьдесят пятом на него обрушивается настоящая профессиональная слава: премия «Хьюго» и сразу две «Небьюлы», одну из которых ему принес как раз «Придающий форму». Еще через год повесть будет развернута в полноценный по объему роман, получит название «Творец снов» — и продолжит свой путь к читателю, длящийся уже более полувека.

Поначалу может показаться, что перед нами довольно путаное произведение, в котором даже сюжетная линия ускользает от бегущего по поверхности текста читателя как... да, как сновидение сразу после пробуждения. В самом деле: «Творец снов» требует недюжинной концентрации внимания и читательского усердия. Любителям фантастики как «легкого жанра», предназначенного для ненавязчивой разгрузки мозгов после трудового дня, не беспокоиться:

эта книга не для них. Тем же, кто готов приложить определенные усилия, могу пообещать: они не будут напрасны, ведь «Творец снов» по праву считается классикой не только американской фантастики, но и вообще англоязычной литературы XX века.

Хотелось бы обратить внимание на две вещи: во-первых, на момент написания книги психоанализ в США переживал настоящий бум. Во-вторых, сам Желязны несколько лет проучился на психологическом факультете Кливлендского университета, а интерес к психологии сохранил до конца жизни. То есть был, что называется, хорошо «в материале». Однако основное образование он все же получил по специальности «английская филология», точнее — «Драма Елизаветинской и Якобианской эпох». Кажется, сам Желязны не считал эти дисциплины совсем уж разными: хорошая литература обладает ярким психотерапевтическим эффектом, а знание человеческой психологии просто необходимо для понимания сложных и неоднозначных характеров литературных персонажей.

На первый взгляд, «будущее по Желязны» (а действие романа происходит в 90-е годы прошлого столетия) не слишком богато техническими новинками и прочим прогрессом. Во-первых, среди таких «новинок» следует назвать единую сеть хайвеев, которая после строительства моста через Берингов пролив связала

большую часть обитаемой суши. Автомобиль из механизма, требующего постоянного внимания, превратился в «движущееся устройство, снабженное многими удобствами, как то: туалетом, баром, холодильником и ломберным столиком», а для перемещения в любую точку достаточно лишь ввести нужный код, доверив все прочее автоматике.

Еще одна характерная «примета будущего» в реальности «Творца снов» — генно-модифицированные собаки-мутанты, обладающие ограниченной разумностью и способностью к человеческой речи. Нужно сказать, что в фантастике 50—60-х идея о потенциальной разумности самых верных наших друзей была весьма популярна, достаточно упомянуть Псов из «Города» Саймака (1952) или голованов в «Обитаемом острове» Стругацких (1968). Однако если в случае Саймака собаки — наследники человечества, а у Стругацких, напротив, чуждые людям порождения техногенной катастрофы на Саракше, то у Желязны они ровно то, что и сегодня: верные друзья, компаньоны и практически симбионты, компенсирующие своим владельцам их физические недостатки.

Главное же — изменился сам социум. Мир стал куда уютнее и безопаснее, что, казалось бы, должно было обеспечить его обитателям полный душевный комфорт. Однако, напротив, всеобщее процветание привело к расцвету огромного числа неврозов и фобий, так что

профессия психотерапевта оказалась как никогда востребованной. (Здесь, разумеется, очевидна переключка с реалиями американских шестидесятых, когда сытая послевоенная жизнь вызвала примерно ту же реакцию, вылившуюся в массовый молодежный бунт.) Тогда-то и было изобретено «многоканальное нервоконтактное устройство», или попросту Яйцо, а в числе медицинских специальностей появились терапевты-нервоконтакторы. Творцы снов.

Как я уже говорил, при небрежном чтении романа может показаться, что и с конфликтом, и интригой, и даже сюжетом в нем, как говорится, негусто: отдельные фрагменты, причудливо разбавленные выделенными курсивом зарисовками. Однако, разумеется, все это в романе есть — только надежно упрятанное в подтекст, из которого на поверхность пробиваются лишь отдельные намеки. По тому же принципу, кстати, работает и наша психика с ее скрытыми безднами, таящими в себе порой ужасные и непостижимые вещи. Однако стоит лишь настроиться на нужную волну, как сквозь безмятежность морской глади проступают контуры притаившихся в глубине подводных монстров.

Позволю себе обратить внимание читателя на некоторые из вопросов, о которых стоит задуматься при чтении «Творца снов». Например — что в действительности произошло с доктором Рискомом, пациенткой которого была Эйлин Шеллот до того, как попасть к Ренде-

ру? В чем причина эпидемии самоубийств, охвативших человечество? О чем на самом деле был разговор Эйлин и Джилл, ставший своего рода спусковым крючком последующих событий, и какое отношение к финалу романа имеет странное поведение Зигфрида — принадлежащего мисс Шеллот пса-мутанта? Ответы на эти вопросы вполне можно найти при внимательном чтении — и особенно при перечитывании книги. Пожалуй, не стану лишать читателя этого удовольствия. Другое дело, что все же изюминка книги, то, за что она действительно любима в англоязычном мире, находится далеко за пределами фантастики в ее традиционном понимании.

Как уже было сказано выше, Железны, в первую очередь, литературовед. И ни в одном его последующем тексте, при всем их богатстве аллюзий и скрытых цитат, английская и американская классическая литература не играет такой колоссальной роли, как в «Творце снов». Сама коллизия романа — немолодой уже джентльмен, добровольно ограничивший себя во всем, что касается эмоциональной сферы, после гибели жены и дочери, дает слабину, встретив прекрасную незнакомку, что ведет к непредсказуемым последствиям — кажется, сошла со страниц Диккенса или сестер Бронте. Однако и это не главное.

Знакомя при помощи своего мастерства Ваятеля слепую от рождения Эйлин Шеллот с ви-

димым миром, доктор Риском всю пользуется богатством английской поэзии. Разумеется, американский читатель по первым же цитатам с легкостью узнает «Листья травы» Уолта Уитмена — как мы без труда опознали бы онегинские строки. Однако подзаголовок — «Поэма о себе» — уже заставляет задуматься о том, какие последствия это предельно нарциссическое, даже эгоистическое и в то же время чувственное произведение способно оказать на тех, кто очутился в нем *вдвоем*. А ведь такими литературными аллюзиями роман буквально пронизан.

Лишь один, самый первый раз Железны обозначает момент погружения в искусственный сон. В дальнейшем читателю предстоит самому гадать, по ту или по эту сторону яви происходит тот или иной эпизод. Кажется, и сами персонажи постепенно перестают отличать реальность от сновидения. А ведь об опасности ухода в предельно комфортабельное виртуальное пространство, созданное Яйцом, им прекрасно известно. Постепенно не только читатель, но и сами персонажи не всегда понимают, в каком из миров находятся: «Рендер снова приказал окружающему исчезнуть, но оно не подчинилось».

Прогресс остановить нельзя. Устройство, способное — пусть в грезах — сделать каждого человека богом, обеспечив реализацию любых, даже невысказанных, желаний, не сможет до бесконечности оставаться лишь медицинским оборудованием. И финал романа, выдержан-

ный в стилистике Рагнарека, апокалипсиса северных саг, в некотором смысле является прогнозом самого ближайшего будущего всего человечества, благополучно переложившего все телесные заботы на машины — и готового препоручить им и заботы душевные.

Но надежда есть. И заключается она в юном Пите Рискоме, необычайно одаренном мальчишке, бредящем космосом. Космос — вот та единственная реальность, в которой техника все еще работает вместе с человеком, а не вместо него. И эта надежда возвращает Желязны в русло основного потока научной фантастики. Космос — это надежда.

Профессия терапевта-нервоконтактера, Ваятеля, Творца снов, которой посвятил себя доктор Рендер, находится на стыке психологии и литературоведения. Как врач он с помощью специального устройства способен моделировать для своего пациента сны, обладающие лечебным эффектом, а как тонкий и глубокий знаток литературы имеет доступ к бесконечной палитре, созданной лучшими из живших до него творцов. В этом плане и Рендер, и Желязны — безусловные коллеги.

Собственно, представляемый роман и является таким сном, созданным опытным и смелым Ваятелем специально для того, чтобы исцелять души. Значит, и твою душу, Читатель тоже.

Будь здоров.

Аркадий Рух

ТВОРЕЦ ЧОБ

Джуди — там, где сумрачный геральдический волк выступает, как живой, из глубины дубовой роши.